

Сохранение знаний в библиотеках: опыт БАН

В предисловии к «Жизни Наполеона» Стендаль писал: *«Одинаково трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о предметах либо малоинтересных, либо представляющих слишком большой интерес».*¹⁾ Это мнение великого романиста и сегодня остается справедливым.

Действительно, немногие этапы почти трехвековой истории Библиотеки Академии наук нуждаются в анализе так, как пожар 14–15 февраля 1988 г. Связанная с пожаром череда бурных событий (информация не об одном, а двух возгораниях, огромные потери, расследование, повторное возгорание спустя три месяца в сушильной камере Военно-медицинской академии, поиски виновных, помощь горожан, прекращение расследования за отсутствием виновных лиц, недоверие руководству Библиотеки) не завершилась для Библиотеки ожидаемой практической помощью со стороны государства, поскольку разразившийся вскоре кризис и последовавший за ним распад СССР обернулись для БАН утратой интереса со стороны властей, резким сокращением финансирования, усиленной текучестью кадров и другими негативными последствиями.

Каким должен быть анализ этих событий спустя 15 лет, может ли он быть объективным, когда та наша боль безвозвратно осталась в прошлом? Думаю, что нет, *«... не бывает так, чтобы все стало, как было».*²⁾ В этой фразе булгаковского Мастера выражена необратимость событий во времени, уже сама по себе в каком-то отношении исключающая справедливость. Вместе с тем, личность не может стереть прошлое из своей памяти, оставаясь личностью.

Психологами подмечено, что есть два вида негативных моментов из восприятия прошлого. Первое – это когда человек идет вперед, и прошлое давит ему на затылок. Второе – когда человек оборачивается и оно бьет его в лицо. Задумаемся над этим. Почему одному оно просто давит на затылок, а другого наотмашь бьет в лицо? Видимо, имеется в виду разная реакция разных людей на одно и то же событие. Мне кажется, что я смогу проиллюстрировать эти виды влияния прошлого примерами из личного восприятия нашей жизни.

¹⁾ Стендаль. Собр. соч. в 15 т. Т. 11. – М., 1959. – С. 5.

²⁾ Булгаков М. А. Избранное: Мастер и Маргарита: Роман; Рассказы. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 280.

Вот воспоминания о БАН, связанные с событиями совсем недавнего прошлого. Первое взято мною из книги Л. З.Аксеновой.³⁾

«Горел БАН – гордость Ленинграда, гордость страны. Полуголодные и нищие, спасали в свое время ленинградцы книги и рукописи, хранившиеся в библиотеке, не доедали, рисковали жизнью, увозили в эвакуацию, берегли от наводнений, расплачивались валютой, которую жалели на покупку зерна, берегли, как зеницу ока, получая для научной работы, понимали, что эти книги читали Ломоносов, Пушкин, Толстой...

Каждый считал эти книги своим достоянием – и тот, кто пользовался библиотекой Академии наук, и тот, кто без всякого интереса проходил мимо этого здания. Так человек устроен: стоит у него на полке томик Пушкина, и он годами в него не заглядывает. Но захотелось – открыл заветную страницу, и снова Пушкин со мной, потому что он мой, он часть моей жизни.

Антуан де Сент-Экзюпери надеялся: кому-то нужно, чтобы на небе зажгались звезды. То, что увидели мои современники, заставило их понять: кому-то нужно обратное – чтобы звезды погибали, чтобы огромная страна осталась без своей нетленной души...

Эти и другие мысли бродили в голове Иосифа Моисеевича, когда он сидел под лампой и прокладывал папиросной бумагой страницы каждой из двенадцати книг, спасенных во время пожара и выданных ему на просушку. Он был постоянным читателем БАНа. Пожар тушили водой и пеной. То, что не сгорело, могло погибнуть потом. В считанные часы книги и рукописи надо было осторожно просушить. Вчера он вложил листочки между страницами, сегодня вынимал и новые, сухие, вкладывал, вторые сутки спасая доверенные его рукам сокровища» (С. 56-58). Вот это для меня то прошлое, когда человек идет вперед и оно давит ему на затылок.

Теперь другое впечатление о том времени, уже не читателя, а специалиста, приехавшего впервые в Ленинград зимой 1988 г. Его имя широко известно в библиотечно-информационной среде и не нуждается в комментариях – Жак Токачлян. В 2000 г. он опубликовал путевые заметки *«Вокруг света с 80 миссиями»*.⁴⁾

Мое внимание сразу же привлекла глава описывающая события в БАН, под многообещающим заголовком *«Ленинградская битва»* (С. 121-135). Читая внимательно эту главу, где много пространственных рассуждений о

³⁾ Аксенова Л.З. На том свете: Роман. – СПб., 2000. – 320 с.

⁴⁾ Tocatljan J. J. Around the World in Eighty Missions. – Paris, 2000. – 175 p.

русской душе, обычаях, напитках, закусках и агентах КГБ (из пятнадцати страниц текста полторы от силы касаются БАН), я понял одно: Жаку Токатляну, как представителю ЮНЕСКО, очень препятствовали в получении объективной информации о пожаре. Переговоры проходили сложно и трудно. Только на третий день пребывания в Ленинграде ему удалось посетить Библиотеку Академии наук и лично оценить масштабы ущерба: «... я увидел, что пожар нанес основной ущерб и его последствия достаточно серьезны» (С. 130). И это все. Затем, как пишет Ж. Токатлян, общаясь с «дюжиной официальных лиц», он договорился об организации лаборатории для сушки и наблюдениями за пострадавшими изданиями. Отдельно обсуждался вопрос о содействии ЮНЕСКО в поездке ленинградских библиотекарей и консерваторов за границу с целью ознакомления с зарубежными технологиями восстановления фондов. На этом миссия в БАН закончилась. В путевых заметках, кроме автора и четырех его парижских спутниц, приехавших с ним в Ленинград в качестве, видимо, туристов, мелькают еще три имени неизвестных сотрудников Библиотеки и Академии наук. Это Игорь Панушкин, названный Токатляном представителем БАН, некая Ольга Ананьева – гид-переводчик и Татьяна Никитина – сотрудник партийных органов.

Заканчивается «Ленинградская битва» патетически. Несмотря на трудности, Токатлян доволен своей миссией, но в этот город он больше приезжать не хочет. «Все хорошо, что хорошо кончается», – заключает автор почему-то не только на английском, но и по-французски. И, глядя на свое отражение в зеркале ванной комнаты гостиницы, мысленно произносит: «Ленинградская битва закончилась». Затем поднимает вверх правую руку и добавляет: «Я торжественно клянусь: никогда снова! Никогда!» (С. 135). Как к этому отнестись, читатель? С юмором, следуя совету автора во введении к книге? У меня не получается...

Замечу, кстати, что месье Токатлян нарушил свою клятву. Очень скоро. Спустя три месяца он снова приехал в наш город, но уже в составе другой миссии. В нее, кроме Ж. Токатляна как руководителя отдела ЮНЕСКО по информационным программам и обслуживанию, входили: Ганс-Питер Ге – президент ИФЛА, Шарль Кешкемети – исполнительный секретарь Международного совета по архивам и Виктор Монтвиллофф – сотрудник отдела ЮНЕСКО. В течение 10–12 мая 1988 г. миссия посетила БАН, осмотрела, надев для безопасности противогазы, пострадавшие книгохранилища (в это время проводилась фумигация фондов и Библиотека для читателей была закрыта) и составила свое экспертное заключение. Тогда-то впервые я со всеми и встретился.

После отъезда миссии Т. Келлер, заместитель генерального директора ЮНЕСКО по общим программам и программам поддержки, написал председателю Президиума Ленинградского научного центра академику И. А. Глебову: *«Учитывая большой объем материала, подвергнутого воздействию воды и испарений, насчитывающего 3,6 млн. единиц, а также мудрое решение обработать еще 3,4 млн., которым угрожал грибок, следует отметить целесообразность и необходимость принятия таких чрезвычайных мер»*. Члены миссии *«были под сильным впечатлением от солидарности и решимости, с которой сотрудники Библиотеки и ее читатели, а также власти и население решали проблемы, связанные с восстановлением пострадавшей от пожара Библиотеки»*.⁵⁾ В этом тексте все четко и ясно – читай его хоть с чувством юмора или без него. Об этом визите в книге Токатляна нет ни слова, хотя, повторяю, она вышла в свет в 2000 г. Почему? Не знаю. Описанные им факты точны, но, говоря словами Н. В. Гоголя, «ничего нет хуже правды, которая не правда».⁶⁾ Вот это для меня есть тот вид прошлого, когда человек оборачивается и прошлое бьет наотмашь его в лицо. Думаю, что и не только меня одного.

В мировой библиотечной истории, наряду с множеством фактов о строительстве и открытии новых библиотек разного уровня, имеются и сведения об их разорении, разграблении и гибели. К сожалению, причин, по которым разрушаются библиотеки, довольно много. Китайский библиотекарь Нью Хун (545–610) – главный хранитель императорской библиотеки, анализируя реальный жизненный опыт, уже на заре седьмого столетия н. э. сумел выявить пять бедствий, постоянно грозящих библиотекам. Среди них первое место занимают *гонения властей*, второе – *пожары*, третье – *наводнения*, четвертое – *смуты*, и наконец, на последнем, пятом месте – *войны*.⁷⁾ Железная логика! И опыт БАН подтверждает это. Ни прибавить, ни убавить.

Напомню, что в пожаре 1988 г. Библиотека потеряла 298.961 экз. изданий. Сегодня, по прошествии пятнадцати лет, какие уроки можно извлечь из нашего опыта по ликвидации его последствий? Вот некоторые результаты моих наблюдений.

1. Справиться с последствиями трагедии только «своими» силами невозможно. Библиотечная катастрофа носит глобальный характер.

⁵⁾ Леонов В. П. Библиотечный синдром. – СПб.: Облик, 1996. – С. 159.

⁶⁾ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. – М.: Худож. лит., 1976. – С. 369.

⁷⁾ Восточная коллекция. – 2001. – № 4 (7). – 2-я с. обложки.

2. Состояние шока при всей, казалось бы, готовности к любым неожиданностям неизбежно. Наибольший урон Библиотеке наносится в первые часы пожара.
3. Сразу после пожара следует приступить к внутреннему расследованию его причин и первичному определению нанесенного ущерба.
4. Не следует торопиться с поиском виновных (это дело не библиотекарей, а специальных служб) и сосредоточиться на оказании срочной помощи.
5. Для рациональной организации и контроля за спасательными и восстановительными работами создать постоянный штаб с привлечением специалистов необходимой квалификации.
6. Ежедневно информировать сотрудников и средства массовой информации о состоянии дел, стремясь к максимальной открытости и информированности о последствиях пожара.
7. Целенаправленно и без спешки обращаться за помощью к коллегам внутри страны и за рубежом. Разослать письма и пригласить профессионалов для экспертизы и оценки проводимых работ.
8. Помнить о том, что Библиотека предназначена для читателей и заботиться о поэтапном ее открытии.
9. Составить текущий и перспективный план восстановления хранилищ и фондов Библиотеки, начать документальную проверку утраченных изданий. Утвердить планы в вышестоящей организации. Масштаб и последствия пожара должны быть доступны для анализа и изучения и профессионалам, и читателям.
10. Наконец, человеческий фактор. Работы по ликвидации последствий пожара происходят не в вакууме, не в идеальной ситуации, а в реальной среде, где проявляются лучшие и не самые лучшие человеческие качества. Надо постоянно помнить о том, что всякая дестабилизация жизни крупной Библиотеки оживляет оппозицию. Для нее это благодатная почва для дискредитации руководства, жалоб на его некомпетентность, «разоблачения» в письмах в разные инстанции. Если оппозиция достаточно сильна, то итоги таких «разоблачений» могут иметь негативные последствия не только в самом начале восстановительных работ, но даже спустя несколько лет.

Так случилось у нас с двумя международными фондами: Фондом друзей БАН в ФРГ и Фондом русского зарубежья во Франции. Вот краткая их история. Летом 1988 г. немецкий антиквар и библиофил Детлев Ауверманн, узнав о пожаре, оказал БАН безвозмездную помощь в размере

100 тыс. Д.М. Эти деньги стали материальной основой Фонда друзей, целью которого было оказание помощи в восполнении утраченной литературы из собрания К. Бэра. Президиум АН СССР своим решением одобрил этот шаг. За короткий период с помощью Д. Ауверманна мы приобрели комплекты периодических изданий, в том числе и таких выпусков, которых ранее в нашей Библиотеке не было. Президент несколько раз приезжал в Ленинград, встречался с руководством Научного центра, с академиком И. А. Глебовым, информировал о дальнейших планах, в частности по факсимильному изданию «Радзивилловской летописи», финансировал зарубежные поездки по линии ИФЛА и т. п. Оппозиция строила свои обвинения на том, что антиквар и библиофил не может быть порядочным человеком и что у Ауверманна имеется сговор с руководством о продаже первого издания «Капитала» К. Маркса. Пошли письма, появились публикации, стали работать комиссии ЛНЦ и АН. Ничего не подтвердилось, но имя и репутация Президента фонда оказались скомпрометированными, работать стало намного сложнее. В конце 1998 г. Фонд друзей БАН прекратил свое существование.

Другой пример. В середине 90-х гг. в Париже установились тесные контакты Библиотеки с главой фирмы «Русский библиофил» А. В. Савиным. Савин, благодаря контактам с русской эмиграцией, собрал для БАН уникальную коллекцию книг и периодических изданий русского зарубежья. Я был одним из тех, кто сумел привезти, договорившись с нашим Аэрофлотом, эту литературу в Петербург. Так у нас появилась библиотека философа Л. А. Зандера. Некоторые сотрудники БАН ездили в Париж и продолжали работу по выявлению и отбору литературы. В 1995 г. фабрикуется «дело Леонова», в основу которого положена его деятельность якобы по отправке А. Савину книг из фондов Библиотеки. Андрея Владимировича в Париже вызывали для дачи показаний. В 1999 г. контакты с «Русским библиофилом» прекратились. После тяжелой болезни А. В. Савин скончался.

Прошло три года. Сейчас у оппозиции на очереди Международная ассоциация библиофилов (МАБ). Напомню, что в 1994 г. БАН была одним из организаторов коллоквиума МАБ в С.-Петербурге. С ней установились рабочие контакты, у многих библиофилов есть списки наших книг, утраченных в феврале 1988 г. По их ходатайству БАН приняли в МАБ в качестве коллективного члена (редкий случай), мы получаем все материалы и публикации ассоциации. И опять, на этот раз совсем недавно, в конце 2002 г., наверх ушли первые сигналы о том, что директор

Библиотеки готовит к отправке очередную партию книг за рубеж библиофилам.

Ну что тут сказать? У Вацлава Гавела я нашел статью «*О природе ненависти*», перепечатанную, кстати, в нашем академическом журнале «Химия и жизнь».⁸⁾ Вот что он пишет: «*Когда я вспоминаю людей, которые меня ненавидели или ненавидят, то понимаю, что можно найти, хоть и весьма общее и неполное, но все же объяснение их ненависти. Прежде всего, такие люди никогда не бывают беззаботными, бездельными, пассивными, равнодушными, апатичными. Мне кажется, их ненависть – это выражение какой-то большой, непреходящей и, по сути, неутолимой мечты, какого-то томления и неисполнимого, в общем-то желания, какой-то отчаянной амбиции... Их словно мучит жажда бесконечного почитания, уважения, любви, и они вечно терзаются от того, что окружающие, мол, неблагодарны, непростительно к ним несправедливы и не только не почитают безмерно и не любят безумно, как должны бы, а просто ими пренебрегают... Как я замечаю, для ненавидящего сама ненависть важнее, чем ее объект, и он способен очень быстро менять жертвы, хотя в его отношении к ним от этого ничего не меняется. И это вполне понятно: он не вынашивает ненависти именно к данному человеку как таковому, просто данное лицо представляется ненавистнику совокупностью преград на его пути к... власти...»*

Теперь о проблеме сохранения знаний. Речь пойдет о знаниях, содержащихся в книгах, журналах, т. е. о знаниях не в субъективном («я знаю», «я мыслю»), а в объективном смысле. Напомню вам в этой связи два мысленных эксперимента выдающегося философа XX в. Карла Поппера – автора концепции «Объективного знания».⁹⁾

«Эксперимент 1. Предположим, что все наши машины и орудия труда разрушены, а также уничтожены все наши субъективные знания, включая субъективные знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Однако библиотеки и наша способность учиться, усваивать их содержание выжили. Понятно, что после преодоления значительных трудностей наш мир может начать развиваться снова.

Эксперимент 2. Как и прежде, машины и орудия труда разрушены, уничтожены также и наши субъективные знания, включая субъективные знания о машинах и орудиях труда и умение пользоваться ими. Однако на

⁸⁾ Гавел В. О природе ненависти // Химия и жизнь. – 1992. – № 11. – С. 4–8.

⁹⁾ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Д. Г. Лахути; Отв. ред. В. Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 381 с.

этот раз уничтожены и все библиотеки, так что наша способность учиться, используя книги, становится невозможной... во втором случае возрождение нашей цивилизации не произойдет в течение многих тысячелетий».

Библиотека есть мир, космос, отраженный в опубликованных знаниях. Выход книги в свет знаменует начало ее жизни. Со временем она меняется. Книги физически стареют, изнашиваются и очень важно уловить момент, когда им необходима первая помощь. Живущие сегодня ответственны за то, чтобы их сохранить и передать будущим поколениям.

Научные знания, полученные в течение ушедшего времени и отраженные в библиотечных фондах, никогда не «сливаются» со знаниями, добытыми сегодня. Знания прошлого сохраняют свою исходную ценность для реконструкции науки, обеспечивают ее преемственность. Эта исходная ценность знания должна стать решающим критерием для специалистов по их сохранению. Мы должны сделать все возможное, чтобы сохранить науку нашего периода и передать ее наследникам. Мы не имеем права выступать цензорами будущего и лишать читателей будущей возможности полного доступа к печатным текстам. Поэтому, чтобы быть надежными хранителями, мы должны стать изобретательными хранителями.

Итак, по каким же направлениям идет работа в БАН по сохранению знаний? Их пять:

1. Восстановление пострадавших фондов.
2. Фазовая (превентивная) консервация.
3. Реставрация фондов.
4. Повышение безопасности здания БАН.
5. Консультативная и методическая помощь.

В заключение я хочу выразить благодарность сотрудникам БАН за самоотверженную работу по сохранению знаний, поблагодарить все организации и учреждения, сотрудничающие с нами в течение 15 лет. Ведь мы здесь для того, чтобы через знания узнать и понять, зачем мы здесь. Какая еще цель достойнее?

Бессмертие творений человека, запечатленных в книге, связано с бессмертием того мира, который эти книги воплощают. Благодаря чтению значение книг становится доступно нам, и мы, не ведая порой, кто их начертал, несем их смысл в самих себе. *«Книга, – говорил поэт Иосиф Бродский в Нобелевской лекции, – феномен антропологический, аналогичный по сути изобретению колеса... книга является средством перемещения в пространстве опыта со скоростью переворачиваемой страницы».*

И далее, рассуждая о значении чтения в человеческой истории, он утверждал: «... положение, в котором искусство вообще и литература в частности являются в обществе достоянием (прерогативой) меньшинства, представляется мне нездоровым и угрожающим. Я не призываю к замене государства библиотекой – хотя мысль эта неоднократно меня посещала – но я не сомневаюсь, что, выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя. Мне думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому... Среди преступлений... наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое – пренебрежение книгами, их не-чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление это совершает нация – она платит за это своей историей». ¹⁰⁾

---

¹⁰⁾ Бродский И. Нобелевская лекция. 1987 // Бродский И. Стихотворения. – Таллинн: Ээсти раамат: Александра, 1991. – С. 11–13.